

Гараж заливал холодный свет люминесцентных ламп. В этой гулкой, отчуждённой тишине тревога разрасталась, словно сорняк, заставляя сердце биться в неровном, болезненном ритме. Однако Линь Суе выглядел пугающе спокойным, а его голос звучал почти отстранённо:

— И как я раньше не замечал, что ты настолько безумен?

Шэнь Хуэйцы не понимал, что кроется за этими словами. Его пальцы, бессильно опущенные вдоль тела, судорожно сжались. Внутри всё замирало и обрывалось; он из последних сил цеплялся за маску внешнего благополучия.

«Он злится? Теперь я ему противен?»

Шэнь Хуэйцы отчётливо чувствовал, что за последнее время Линь Суе позволил ему подойти гораздо ближе, чем раньше. И если сейчас, из-за этой вспышки, он снова воздвигнет стену — это станет концом. Шэнь Хуэйцы был готов притворяться всю жизнь, лишь бы оставаться рядом.

Линь Суе подошёл к Хо Хэну, чтобы осмотреть его. Тот, к счастью, просто потерял сознание. Скорая прибыла быстро. Поскольку инцидент произошёл на территории корпорации «Линь», Линь Суе обязан был сопровождать пострадавшего в больницу. Виновнику происшествия, разумеется, тоже не позволили остаться в стороне.

Благодаря своевременному вмешательству Шэнь Хуэйцы не успел нанести Хо Хэну непоправимых увечий. Когда все формальности в приёмном покое были улажены, Линь Суе остановился в больничном коридоре и взглянул на своего спутника, который за всё время не проронил ни слова. В тишине раздался его негромкий смешок.

— А вы мастер перевоплощений, учитель Шэнь. Кто бы мог подумать, что вы так умело притворяетесь.

В его присутствии этот человек всегда вёл себя мягко, называл его «Сяо Е» и вечно беззаботно улыбался. Линь Суе действительно поверил, что у Шэнь Хуэйцы покладистый характер. Но теперь в памяти всплыли слова Мо Гуаньци: «С ним невозможно поладить. Он злопамятен и полон коварства».

Выходит, всё это время он видел лишь тщательно исполненную роль.

— Если бы не сегодняшний случай, сколько бы ты ещё водил меня за нос?

Горло Шэнь Хуэйцы сковала сухая, саднящая боль, словно по слизистой полоснули лезвием. Он попытался оправдаться:

— Я... я не собирался скрывать это от тебя вечно...

— Говори правду, — перебил его Линь Суе. Он сел на стул, скрестив руки на груди, и его взгляд стал острым, пронзительным.

На мгновение повисла тяжёлая пауза.

— Всегда, — хрипло выдохнул Шэнь Хуэйцы.

Сил держать спину прямо больше не осталось. Он опустился на колени и, согнувшись, прижался лбом к коленям Линь Суе. Его плечи мелко дрожали.

— Прости меня. Пожалуйста, не сердись. Я могу измениться.

Линь Суе смотрел на его макушку, чувствуя, что им давно пора поговорить откровенно. Он должен был заметить это раньше — одержимость Шэнь Хуэйцы была чрезмерной. Именно она толкала его на опасные, необдуманные поступки. Ещё тогда в Городе Ган, когда тот без раздумий прыгнул с пятнадцатого этажа, Линь Суе стоило насторожиться, а не ждать сегодняшней драки.

Желая докопаться до истины, он спросил холодным тоном:

— Почему?

Шэнь Хуэйцы вцепился пальцами в брюки Линь Суе. Его губы дрожали, но он не мог связать и двух слов. Он до смерти боялся, что тот идеальный образ, который он так долго выстраивал, окончательно разрушен. Боялся, что Линь Суе теперь навсегда оттолкнёт его.

Линь Суе не шелохнулся, позволяя ему сжимать ткань своих брюк.

— Шэнь Хуэйцы.

Тот вздрогнул.

— Если ты не скажешь правду, мы вряд ли сможем двигаться дальше.

Эти слова подействовали как электрический разряд. Шэнь Хуэйцы в ужасе вскинул голову. Его глаза покраснели от лопнувших сосудов, костяшки пальцев побелели от напряжения. Спустя минуту он бессильно опустил голову.

— Я всё скажу.

Оставив лицо на коленях Линь Суе, он глухо заговорил:

— Ты ведь знаешь... я из семьи Шэнь. И наверняка догадываешься, какие там порядки.

Он криво усмехнулся. В детстве он питал надежды на теплоту, но Сюй Минчжу вышла за Старого господина Шэня только ради денег. Она не ненавидела собственного сына, но и любви к нему не испытывала — лишь остатки материнского инстинкта. А сам старик... детей у него было столько, что очередь на личную встречу доходила до Шэнь Хуэйцы раз в полмесяца.

Со временем он научился ничего не ждать от этого «дома» и не лезть в семейные дела.

Но в семье Шэнь выживает сильнейший. Чтобы защитить то, что тебе дорого, нужно иметь опору — либо благосклонность матери, либо милость главы. Шэнь Хуэйцы не хотел зависеть ни от кого из них. Опора у него была только одна — он сам.

Он не сдерживался, действуя предельно жестоко с любым, кто посягал на его интересы. Он знал: если не показать клыки, у него всё отнимут. Искажённая среда, в которой он вырос, стала источником его жестокой натуры.

Покинув семью Шэнь, он научился контролировать себя. Пока не встретил Линь Суе.

Но Линь Суе не был вещью, которую можно было отобрать, как тот кулон с голубой розой у Шэнь Жуня. Он никогда не принадлежал Шэнь Хуэйцы. И тот мог только ждать... ждать, когда Линь Суе сделает свой выбор.

В этом ежедневном ожидании он сгорал от тревоги и страха. Подавляемая годами натура снова рвалась наружу. Он не мог просто сжечь дом каждого, кто смотрел на Линь Суе с вожделием, поэтому он «сдирал с них кожу» там, где объект его страсти не мог этого видеть.

— Прости меня, — повторил он. — Я изменюсь, правда. Только не бойся меня. И не ненавидь.

Линь Суе долго молчал. Теперь он понимал, что в нынешнем состоянии этого человека была и его вина, пусть и невольная.

— Сможешь измениться?

Шэнь Хуэйцы быстро закивал.

— И как же?

На этот вопрос ответа не последовало. Линь Суе тихо вздохнул. Этот вздох заставил Шэнь

Хуэйцы похолодеть от ужаса. Его хвалёное спокойствие окончательно испарилось, и он заговорил сбивчиво, почти бессвязно:

— Я... я смогу. Честно... клянусь, я справлюсь. Если тебе не нравится, я больше к ним не прикоснусь. Я не буду вмешиваться в твою жизнь, я... я буду делать только то, что ты позволишь, хорошо? Я даже... я могу...

Мягкое, тёплое прикосновение к макушке заставило его мгновенно замереть, словно каменное изваяние.

— Сяо Е?

Ладонь Линь Суе медленно скользнула с головы на затылок, согревая кожу.

— Ты просишь меня не бояться, но на самом деле боишься сам. Разве не так?

Шэнь Хуэйцы чувствовал себя так, словно ему одновременно пережали горло и закрыли рот.

— Я ведь сказал тебе, что ты можешь пройти без очереди. Чего же ты так пугаешься?

Шэнь Хуэйцы дрожащими руками обхватил его за талию, словно сломанная кукла, которой вернули управление.

— Я боюсь, что ты пожалеешь об этом. Ты... ты слишком хороший человек. А я — дрянь.

Линь Суе слегка помассировал его шею и мягко произнёс:

— Если ты не можешь измениться сам... Давай я тебе помогу?

Тот замер, приоткрыв рот:

— Поможешь мне?

— Хм, дай подумать, — Линь Суе не убирал руки. Его пальцы переместились с затылка на кончик уха, а затем легко коснулись подбородка. — Давай так. Каждый раз, когда тебе удастся сдержать себя, я буду давать тебе награду.

— Какую награду?

— Сам выберешь.

Шэнь Хуэйцы резко вскинул голову:

— Любую? Что угодно?

Линь Суге не сдержал улыбки, глядя на его оживление:

— Например?

— Если... если я захочу поцеловать тебя, это тоже можно? — осторожно спросил он.

Линь Суге прищурился, и в его взгляде промелькнуло нечто манящее, почти искушающее:

— Можешь попробовать.

Никто не смог бы понять, какую бурю облегчения пережил в этот момент Шэнь Хуэйцы. Он полностью вверил свою душу этому человеку, готовый к тому, что его растопчут, но вместо этого получил ласку, нежную, как весенний ветер.

Его сердце, израненное и живое, снова забилося в груди. Он потянулся вверх, его руки сами собой легли на шею Линь Суге, приближаясь к его губам всё ближе и ближе...

Когда до цели оставались считанные миллиметры, Линь Суге приставил палец к его губам.

— Но только что ты вёл себя плохо, — с улыбкой произнёс он. — Награда не положена.

Шэнь Хуэйцы замер. Все его чувства, все эмоции теперь были во власти одного-единственного человека. Сердце больше не слушалось своего хозяина — оно билось только для него. И всё же эта зависимость приносила ему лишь сладость.

— Почему я вёл себя плохо? — спросил он.

— Ударил человека без веской причины, да ещё и пытался меня обмануть.

Шэнь Хуэйцы не нашёл, что на это возразить. Он взял Линь Суге за руку, переплетая их пальцы, и настойчиво спросил:

— Тогда, Сяо Е... если в будущем я буду вести себя хорошо, это будет считаться?

— Посмотрим.

— Сяо Е, Сяо Е.

— М-м?

Взгляд Шэнь Хуэйцы потемнел от нескрываемой страсти.

— Раз ты решил помочь мне, то уже никогда не сможешь от меня избавиться, — в его голосе прозвучала пугающая решимость. — Ты принял меня таким — мерзким и невыносимым. Теперь я буду преследовать тебя всю жизнь.

— Хорошо, — спокойно ответил Линь Суе.

Грудь Шэнь Хуэйцы вздымалась всё сильнее, но он сдержал порыв и лишь почтительно склонил голову, целуя суставы его пальцев.

— Я так сильно люблю тебя.

Линь Суе не отстранился.

— Я знаю. Я понял это ещё в ту ночь в Циньване.

Тогдашнее признание было слишком искренним и тяжёлым, чтобы его прерывать. Линь Суе запомнил каждое слово.

Тихий шорох шагов нарушил интимную атмосферу. Оба одновременно подняли головы и увидели Ань Ци, стоящего в конце коридора. Линь Суе вспомнил, что мать Ань Ци лежит именно в этой больнице.

Нежность на лице Шэнь Хуэйцы мгновенно сменилась гримасой отвращения. Он уже готов был сорваться, но вовремя вспомнил об их уговоре и заставил себя успокоиться.

Ань Ци остановился на вежливом расстоянии и поклонился:

— Директор Линь, прошу прощения за беспокойство. У меня есть дело, которое я хотел бы обсудить с вами наедине. Пяти минут будет достаточно.

Линь Суе догадался, что речь пойдёт о расторжении их соглашения. Он поднялся со стула:

— Хорошо.

Аура вокруг Шэнь Хуэйцы мгновенно стала тяжёлой. Он крепко сжал руку Линь Суе:

— Сяо Е, я хочу пойти с тобой.

— Что ты мне только что обещал? — Линь Суе строго посмотрел на него.

Тот закусил губу и нехотя разжал пальцы. Линь Суе сделал пару шагов вперёд, но его снова придержали за край одежды.

— Ты сказал, что за каждый успешный случай самоконтроля полагается награда, — напомнил Шэнь Хуэйцы.

Линь Суе на мгновение замер, не понимая, к чему он клонит.

— Ну да.

— Когда он появился, мне нестерпимо захотелось его ударить. — Он добавил, словно боясь, что ему не поверят: — Серьёзно, у меня аж кулаки зачесались. Но я сдержался.

Изложив свои аргументы, Шэнь Хуэйцы озвучил истинную цель:

— Значит, когда ты вернёшься, я смогу тебя поцеловать?

Линь Суе на секунду лишился дара речи. Кто научил его так виртуозно пользоваться правилами?

«Молодой директор Линь» на собственной шкуре ощутил смысл поговорки о том, как опасно рыть яму другому. Ему было и смешно, и неловко одновременно. Он не отказал, лишь лукаво подмигнул и бросил фразу, заставившую сердце Шэнь Хуэйцы затрепетать:

— Жди.

<http://bllate.org/book/16112/1587122>